

Вадим Шарапов

Успеть ко второму акту

Вадим Викторович Шарапов. Сибиряк. Родился в 1975 году в Тюмени, где до сих пор и живет. Творческая каша в голове заварилась благодаря уральской и сибирской рок-тусовке. Работал охранником, научным сотрудником музея, рабочим сцены в театре, ведущим на радио, корреспондентом теленовостей, учителем истории, пиарщиком и так далее. объездил многие углы России. «Болеет» Севером, но больше всего любит Крым. Лучшими городами земли считает Тюмень и Севастополь. Выпустил несколько книг прозы. Ценит верных друзей и хорошую литературу.

* * *

Лета, считай, как не было. Вечная мерзлота
Стала еще поближе к нам, этак шагов на пять.
Шутка про потепление нынче уже не та,
Если и потеплело где, в Сибири не увидеть.

Вроде еще и лето, но – осень идет в патруль,
Стены домов корябает злой дождевой наждак.
Словишь лицом эти капли, очередь стыхлых пуль
И замираешь замертво, думая, как же так.

Хочется то ли по соточке, то ли упасть в полынь,
Чтоб на всю зиму затариться горечью на губах.
Русскому не получается впасть в иноземный сплин,
Проще крест-накрест рубаху, да где напастьись рубах?

Тянет откуда-то холодом с ночи и дотемна,
Чудится посвист, как будто бы гаммельнский крысолов
Водит за тихой дудочкой. Это в груди струна,
Ветер звенит-играется.
Ветру не нужно слов.

* * *

Иногда я пою. Ты не слышишь, и это не радует.
Жизнь пора бы давно перестать подвергать сомнению.
Надо мной в тишине, чуть повыше нечеткой радуги
Пролетают планеты и всякие там скопления.

Ось галактики вертится. Что мне с такого знания?
Вместе с миром лечу по маршруту без возвращения.
Ты пьешь чай и поёшь, забывая на переживания,
Вся живая и яркая. И никакого смущения.

Горло сжато словами, кошачьими мягкими лапами,
Я иду к тебе снова, на ощупь, без компаса с картами,
Сердце бьет метрономом, дорожными злыми ухабами...
Все в порядке.
Все правильно.
Звезды в лицо – миллиардами.

* * *

Андариэль мертва. Караван идет в Лут Голейн.
Завтра командеру Шепарду обратно на Цитадель.
Выплесни из стакана остатки и вновь налей,
Слушай, как за окном весна играет ночную капель.

Улицы Сайлент Хилла опять затянул туман.
Где-то в тумане Алесса кричит из последних сил.
На «Ишимуре» не спится Айзеку Кларку – пьян,
Вертит в руках фотографию той, для которой жил.

Андариэль мертва. Караван отмеряет дни.
Только Дюк Ньюкем форевер, ему никого не жаль.
Шепард с кошмаром борется, комкая простыни,
А за окном галактика вертит свою спираль.

Нет. Ничего не кончается. Слышишь? Зовет туман.
Пепел пустого города, угли звездных полей...
Полный форсаж, «Нормандия»! На мостике капитан.
Курс... тут уж как получится.
Можно и в Лут Голейн.

* * *

Каждый сотрется из памяти, это так просто.
Люди, события, лица... Вот так короста,
Рану стянув, осыпается мелким прахом,
Не откликаясь ни радостью и ни страхом.

Каждый исчезнет из рейтингов, выйдет из моды.
Татуировка – и та постепенно сходит,
Блекнет, становится контурами под кожей.
Есть в этом чей-то замысел. Вряд ли божий.

Память не дольше саги, хоть крепче стали –
Сталь заржавеет, а саги в гробу видали
Те, кто еще в проекте, но чье рождение
Нас разменяет, как прошлое поколенье.

Норны, и те тянут пряжу из интернета,
Где заплетаются судьбы (читай: скелеты
судеб). Они будут стерты через минуту.
Впрочем, бессмертны комиксы.
Это круто.

* * *

Посмертно Никола Тесла прислал нам мешок секретов,
Чтоб мы разогнали тучи, чтоб снова настало лето,
Чтоб если по Цельсию – двадцать, то в год по три урожая.
Чтоб русские не помирили, а наоборот бы - рожали.

А мы, брат, уже привыкли, что жизнь хрустит под ногами,
Что водка всегда плохая, что все обросли долгами.
И что нам какой-то Тесла с его волшебством задаром?
От Приштины до Гаваны нас вспомнят по перегару.

Вон боги смеются с неба, глумятся над новостями.
Смешно же, – пошел за хлебом, вернулся, гремя костями!
Полёг под случайным танком, шагнул не за ту границу.
И рваное в клочья небо крестом расшивают птицы.

Здесь нам, как всегда, не в кассу, а где-то ещё - не в жилу.
Зато мы, друган Никола, теперь два плюс два сложили,
И можно прямо по лужам, под дождиком – да без каски...
Смотри-ка, на небе солнце. Мы думали, это сказки.

Самайн

Самайн!
Открыто настужь холодное небо,
И звезды валяются прямо в твои ладони.

Самайн.
Забывтый привкус горелого хлеба.
Сегодня мертвых с порога никто не гонит.

Самайн!
Круги костров опаляют душу,
По венам течет не кровь – ледяная брага.

Самайн!
Сегодня мертвые шепчут в уши
Живым такое, что хочется петь и плакать.

Самайн! Заштопан мир костяной иглою,
В прорехи ветер мечет горстями грозы.

Сегодня
мертвые пьют наравне с тобою,
В железной кружке мешая со спиртом слезы.

Канзас

Мы уже не в Канзасе, Элли, прикинь?
Мы, похоже, надолго теперь не в Канзасе.
Ты давай-ка, на плечи куртку накинь,
Здесь дожди и ветрище на чертовой трассе.
Если хочешь, там фляжка в кармане, глотни,
Не стесняйся, нам дальше топать и топать.

Верстовые столбы, опустевшие дни –
И на желтой дороге, куда ни взгляни,
Твои слезы вплавляются в копать.

Мы уже не в Канзасе. Вон домик твой,
Как набор «Сделай сам», доски и черепица.
У Тотошки по-прежнему хвост трубой.
Что скотине? Хозяйка накормит пиццей.
Не смотри за плечо, потому что взгляд
Должен быть обращен туда, где пустыня
Переходит в небо, как говорят.
Впрочем, ты-то можешь пойти назад,
Только сзади Канзаса нет и в помине.

Тот, кто делал волшебные башмачки,
Не провел тест-драйв по камням и скалам.
Говоришь, что спасения нет от тоски?
Ничего, зато от чумы – навалом.
Изумрудный город (ты слышишь, Эль?)
Превратился в мираж или что-то вроде,
Так что ну его к черту. Зато поверь:
Через пять или шесть вот таких недель
Мы дойдем в Канзас при любой погоде.

* * *

И мир не нов, и горизонт завален,
И пересвет с околиц до завален,
И перегар на трепетных устах
У дев на разводящихся мостах,
Что исподволь разводятся со мною
Как муж с вконец истершейся женою.
Как память может рвать, помять и править,
Паять и плавить, поминать и славить –
Так, чувствуя стакан возле десны,
Я правлю свои латанные сны.
Я плавлю свои годы и невзгоды,
У моря сидя в ожиданьи годо
Или погоды. Честно говоря,
Я не уверен, что сию не зря.

И миру наплевать на все труды,
И вечно только море, без балды.
Но здесь есть ты. Когда ты есть со мною,
Я кровь гоню
по венам
без воды.

* * *

Когда Ромео Верону бросит –
Без спешки, молча, почти мгновенно,
Его никто ни о чем не спросит,
Ему Джульетта найдет замену.

Она его не проводит взглядом,
Платок не бросит в пыль на дорогу.
«Я не останусь». «Ну и не надо».
«Я не приеду». «Да ради Бога».

Корабль на рейде, и якорь поднят,
А там, за морем – другие люди.
Ромео весел, Ромео помнит,
А что Джульетта? – ее не будет.

Мир пахнет гарью и свежей кровью,
Идут по сельве конкистадоры.
«Те так смешна со своей любовью...»
«Я так устала от разговоров».

* * *

В конце дороги будет океан
И зелень волн, и небо над горами.
Ну, а сегодня подставляй стакан
Расходуй щедро лайки в инстаграме.

В конце дороги будет тишина -
Не мертвая, а сказочно живая
Такая, будто вся твоя война
Закончилась у белой двери рая.

В конце дороги снег и фонари
В переплетьи проводов с ветвями
И долгие беседы до зари
С немногими, но верными друзьями.

В конце дороги будет... никогда
Не будет. Только тень над барной стойкой.
И струйкой льется талая вода
На торфяное марево «лафройга».

* * *

Доктор Уотсон кашляет за стеной,
Курит балканские крепкие и молчит.
Джон, беспокоится Холмс, говори со мной,
Просто о чем угодно, да хоть кричи,

Хоть укоряй за инъекции, только не
Перебирай раз за разом свой револьвер.
Доктор Уотсон читает стихи жене,
Пишет письмо, запечатывает в конверт.

Мальчик-посыльный дышит на пальцы. Ждет,
Мокрым плечом подпирая чужие двери.
Где-то на Хайгейте дождь третий день идет,
Прямо на буквы «Моей возлюбленной Мэри».

Джон, укоряет Холмс, мы забыли, что
Оба в прицеле профессора Мориарти.
Прячет Моран духовое ружье в пальто,
Пули считает, кусает усы в азарте.

Доктор Уотсон смазывает «веблей»,
Смотрит на Лондон, поросший тревожно-алым.
Над догорающим городом из полей
Шлет боевой марсианский треножник сигналы.

Джон, говорит ему Холмс, это все для вида,
Да, мы умрем, таковы, к сожалению, факты.

Но в параллельной вселенной дают «Аиду»,
Мы успеваем. Как раз ко второму акту.

* * *

Девятого августа сорок второго года,
Окурок втыкая поглубже в стенку окопа,
Сказал рядовой пулеметной роты Негода:
– Вот кончим фашистов, тогда поглядим Европу.

Потом, мужики, на Алтай - ну, милости просим,
Там улы такие! Таким угощу вас медом!
При этом Василий Негода был очень серьезен,
Поскольку до фронта заслуженным был пчеловодом.

Ему отвечал рядовой Амиран Гелашвили,
В приклад "дегтяря" упираясь небритой щекою:
– Батоно Васо, мы еще ркацителы не пили,
Которое делают дома у нас, за Курюю!

А женщины наши! А горы! А небо какое!
А как мы, батоно, там каждому гостю рады! -
Грузин Гелашвили махнул огорченно рукою
И только поближе к себе подтянул гранаты.

Ответил ему пожилой молдаванин Мунтяну,
Пыхтя «козьей ножкой» потолще трубы паровоза:
– Ребятки, я вас в Калараш зазывать не устану,
Коньяк там такой, что у ангелов капали слезы.

– А в Браславе... – начал рассказ белорус Кравченя,
Но тут на окопы полезли пехота и танки,
И как-то вдруг стало не до разговоров и мнений,
А только знай выживи в этой кровавой гулянке.

Закончился бой, батареи лупить перестали,
И лето сквозь дым проглянуло без всяких сомнений.
А в поле, где тлели машины с чужими крестами,
Лежали рядом Гелашвили, Мунтяну, Кравченя.

Девятого мая, весной сорок пятого года,
На пулями битых, щербленых ступенях рейхстага:
– Чего невеселый? – спросили комвзвода Негоду.
А тот не ответил. Молчал, улыбался и плакал.

Он высадил в небо обойму из пистолета,
И где-то на стенке, у самой последней ступени
Куском кирпича размашисто вывел: «Победа!
Мы здесь. Мы дошли. Гелашвили, Мунтяну, Кравченя.»

9.05.2023